

(ср., например, такие кальки, как *утечка мозгов* от англ. *brain-drain*, *военное присутствие* от англ. *military presence* и др.), постепенно приобретают права и утверждаются в языке.

Проблема взаимодействия теории перевода и социолингвистики еще ждет своего решения. В данном разделе были указаны лишь некоторые области тесного соприкосновения этих дисциплин. Думается, что использование понятийного аппарата и инструментария современной социолингвистики даст возможность глубже проникнуть в механизм перевода, выявить его социальную природу и социальные детерминанты, точнее охарактеризовать всю сложность и противоречивость стоящих перед ним задач и стратегию переводческого решения.

ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА И ПСИХОЛИНГВИСТИКА

Выявление психологической основы перевода является необходимой предпосылкой для познания его сущности. В этом отношении прав С.Н. Сыроваткин, считающий, что в самой своей сокровенной части перевод — это психологический процесс. Психологическую природу имеют три его стадии (понимание исходного текста, "отмысливание" от форм исходного языка и выбор форм языка перевода) [Сыроваткин, 1978, 18]. Это обстоятельство побуждает теоретиков перевода обращаться к данным психолингвистики.

Поскольку объектом психолингвистики является речевая деятельность, а объектом теории перевода — особый вид речевой деятельности — перевод, задачи этих дисциплин во многом перекрещиваются. К теории перевода вполне приложимы данные психолингвистики о механизмах порождения и восприятия речевого высказывания, о структуре речевого действия и о моделях языковой способности. К сожалению, перевод еще не подвергался глобальному описанию с психолингвистических позиций, а предпринимавшиеся до сих пор попытки психолингвистического анализа перевода носили в основном фрагментарный характер.

Вместе с тем определенный интерес для теории перевода представляют разработанные советскими и зарубежными психолингвистами положения о трехчленной структуре речевого действия, включающего фазу планирования (программирования), фазу осуществления и фазу сопоставления, о необходимости учета его цели и мотивации, об эвристическом принципе порождения речи, о лежащем в его основе вероятностном прогнозировании, об активном характере процесса восприятия речи [Леонтьев, 1969, 263—265].

Остановимся подробнее на эвристическом принципе, согласно которому в зависимости от конкретной экспериментальной ситуации субъект может избрать тот путь психолингвистического порождения высказывания, который в данных обстоятельствах представляется оптимальным. Думается, что этот методологический принцип вполне применим к моделированию порождения речевого высказывания в процессе перевода. Анализ переводов свидетельствует о том, что, как и любая речевая деятельность, перевод не осуществляется по единой модели. В процессе перевода находят применение и грамматические трансформации, и лек-

сико-синтаксические перифразы, и семантические преобразования. При этом выбор оптимального способа анализа исходного текста и построения соответствующего текста на другом языке диктуется конкретными условиями межъязыкового коммуникативного акта. Поэтому сведение процесса перевода к единой модели порождения конечного текста представляется неправомерным.

Вспомним рассуждения Ю.Найды, отстаивающего тезис об универсальности трансформационной модели как единственной адекватной модели перевода [Nida, Taber, 1969, 3—4]. Как полагает Найда, существуют две системы перевода. Первая система сводится к формулированию серии правил, указывающих, что именно следует сделать для того, чтобы для какой-то единицы или сочетания единиц исходного языка найти соответствующую форму в языке перевода. В некоторых вариантах теории перевода постулируется наличие языка-посредника, через который осуществляется перевод. Но независимо от того, вводится ли в модель перевода эта промежуточная структура, данный подход основан на применении правил на уровне поверхностных структур языка. Вторая система предусматривает более сложную процедуру, включающую три стадии: 1) анализ, в ходе которого поверхностная структура сообщения на языке А анализируется в терминах грамматических трансформаций с учетом грамматических отношений и значений слов и словосочетаний; 2) перенос, в ходе которого подвергнутый анализу материал переносится из языка А в язык В; 3) реконструирование, в ходе которого перенесенный материал обрабатывается с целью окончательной адаптации конечного сообщения к нормам языка перевода (схема 1).

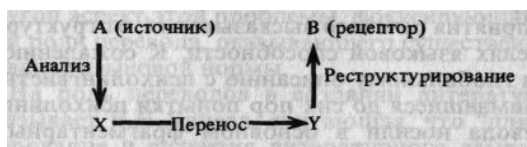

Схема 1

Ю.Найда считает, что одноэтапная процедура перевода неадекватна. В то же время трехэтапная модель более точно отражает характер языкового поведения переводчика, анализирующего исходный текст с помощью обратных трансформаций (преобразование поверхностных структур в ядерные предложения) и создающего конечный текст с помощью преобразования ядерных предложений в поверхностные структуры языка перевода.

Анализ переводов свидетельствует о том, что грамматические трансформации действительно находят применение в качестве одного из приемов семантического анализа исходного текста и одного из способов построения конечного высказывания. Однако сведение перевода к грамматическим трансформациям чрезмерно упрощает реальную картину, поскольку в переводе находят применение и методы лексико-синтаксического перефразирования, и семантические модификации, обусловленные ситуативно-прагматическими факторами [Швейцер, 1973]. Более того, в ряде случаев вполне возможно применение одноэтапной процедуры нахождения прямых соответствий. Так, например, в устном, и в

особенности в синхронном, переводе, требующем мгновенного принятия решений, использование многоступенчатой схемы представляется маловероятным.

По мнению А.А.Леонтьева, характерной чертой перевода является заданность программы извне [Леонтьев, 1969, 169]. Иными словами, программа переводческой деятельности задается переводимым текстом и ситуацией коммуникативного акта. Понятие программы в данном случае совпадает с понятием инварианта перевода, так как «таким инвариантом является как раз внутренняя программа речевого высказывания — система функционально „нагруженных“ смыслами элементов предметно-изобразительного кода или действий над подобными элементами. А поскольку смысл есть функция соотносительности мотивации и целенаправленности деятельности, выбор программы обусловлен предшествующим опытом организма (вероятностное прогнозирование), а структура программы, в частности,— факторами ситуации и контекста, постольку все эти факторы релевантны при переводе и должны быть привлекаемы при его психологическом анализе» [там же, 172].

Ниже мы остановимся подробнее на проблеме инварианта при переводе. Здесь же ограничимся выражением принципиального согласия с мнением А.А.Леонтьева о заданности извне программы переводческого действия. На наш взгляд, это в целом справедливое утверждение нуждается лишь в некотором уточнении с учетом коммуникативной интенции самого переводчика. Перечень детерминантов программы перевода был бы явно неполным, если бы мы не приняли во внимание той принципиально важной роли, которую играет при этом установка на рецептора, на преодоление "межкультурного барьера", на традицию и норму перевода.

В свое время, характеризуя внутренний механизм порождения высказывания при переводе, автор высказал предположение о том, что поиск оптимального решения при переводе заключается в последовательном приближении к оптимальному варианту путем перебора нескольких возможных вариантов и отклонения тех, которые не соответствуют определенным функциональным критериям [Швейцер, 1973, 60]. Такое представление о переводе согласуется, на наш взгляд, с распространенной в современной психологии идеей вероятностного прогнозирования, восходящей к "модели будущего" Н. А.Бернштейна и основанной на том, что выбор того или иного способа деятельности представляет собой постулирование возможных исходов из наличной ситуации, их последовательный перебор под углом зрения определенных критериев выбора [Леонтьев, 1969, 264].

Подобно другим моделям перевода, модель проб и ошибок не может претендовать на универсальность. В частности, она не может быть применима в экстремальной ситуации, например в синхронном переводе, когда время нахождения варианта сокращается до минимума и требуется автоматизм переводческих навыков. Однако в целом данная гипотеза подтверждается наблюдениями над деятельностью переводчиков (материалы этих наблюдений будут рассмотрены ниже).

Модель вероятностного прогнозирования использует Г.В.Чернов при описании механизма порождения речевого высказывания в процессе

синхронного перевода. По его данным, синхронный перевод осуществляется при одновременности процессов слушания и говорения, часто до завершения поступающего к переводчику высказывания. Механизмами, обеспечивающими эту одновременность, являются, как считает Г.В.Чернов, механизм вероятностного прогнозирования поступающего к переводчику сообщения и механизм упреждающего синтеза при порождении переводчиком сообщения на языке перевода. Суть выдвигаемой при этом гипотезы сводится к тому, что в процессе слухового восприятия оригинала переводчик выдвигает предположения о том или ином смысловом либо вербальном завершении намерений автора. Выдвижение их осуществляется на основе подсознательной субъективной оценки априорных вероятностей дальнейшего развития данной вербальной ситуации [Чернов, 1978, 53—56].

Для подтверждения гипотезы о действии механизма вероятностного прогнозирования на вербальном уровне сочетаемости слов был проведен эксперимент по синхронному переводу текста, содержащего словосочетания разной степени связности. В одном типе высказываний "подсказывалась" высокая степень вероятности определенного вербального завершения, но реальное завершение было иным (в популярной телевизионной передаче недавно прозвучала фраза: Лучше меньше, да "ЛУЧ"). Во втором типе каждое слово не сочеталось в смысловом отношении ни с предыдущим, ни с последующим (Проходной букет вытек с холодным шумом). Полученные в эксперименте результаты (перевод по подсказанной гипотезе в первом случае и нарушение синхронного перевода во втором) позволяют, по мнению Г.В.Чернова, сделать ряд выводов о механизме вероятностного прогнозирования как на уровне прогноза вероятности сочетаемости слов, так и на более высоком смысловом уровне ("там же, 71—851).

Менее разработана техника психолингвистического эксперимента в области письменного перевода. В этой связи представляет интерес экспериментальное исследование психолингвистического механизма перевода как процесса порождения текста, проводимое в Университете г. Турку. Испытуемые печатают текст перевода на клавиатуре компьютера, фиксирующего все операции по редактированию текста, темпоральные характеристики его порождения, включая паузы, связанные с чтением оригинала и обдумыванием варианта перевода, и в частности характер и величину смысловых отрезков, которыми оперирует переводчик [Tommla, 1986, 140—149].

Думается, что сведение синхронного перевода к модели вероятностного прогнозирования было бы неправомерным. Подобно другим видам перевода, синхронный перевод вполне допускает применение разных стратегий в зависимости от ситуации. Этого не отрицает и Г.В.Чернов, когда пишет, что "предложенная модель семантико-смыслового уровня вероятностного прогнозирования не только не отрицает возможной стратегии подстановки прямых лексических и синтаксических соответствий в СП (синхронном переводе. — А.Ш.) без перехода на глубинный уровень в рамках отдельного предложения, но, напротив... подтверждает эвристический принцип выбора стратегии переводчиком" [Чернов, 1978, 136].

О возможности иного подхода к психолингвистическому исследованию синхронного перевода свидетельствует работа А.Ф.Ширяева [Ширяев, 1979].

Одной из тем психолингвистического анализа речевой деятельности могла бы стать сама способность переводить, или то, что в переводческой литературе иногда именуется "переводческой компетенцией". Существующие в этой области работы пока находятся на стадии постановки проблемы. Так, Р.Штольце отмечает, что переводческая компетенция, будучи существенным фактором процесса перевода, объединяет как рецептивную компетенцию понимания, так и продуктивную компетенцию формулирования. Иными словами, переводческая компетенция включает способность понимания исходного текста и способность создания текста на языке перевода. При этом жизненный опыт переводчика фигурирует в качестве фонового знания.

Среди компонентов переводческой компетенции большое значение имеет идиоматическое владение языком перевода. Кроме того, переводческая компетенция включает и элементы двух соприкасающихся в процессе перевода культур. Четко ориентируясь на исходный текст, переводчик включается в процесс поиска и принятия решения, который завершается "перевыражением" оригинала на языке перевода [Stolze, 1982, 163—164]. Из сказанного явствует, что определение Штольце по существу представляет собой лишь перечень некоторых компонентов переводческой компетенции и не дает исчерпывающего ответа на вопрос о том, какими навыками и способностями должен обладать переводчик.

Более развернутую и углубленную характеристику переводческой компетенции (*translatorische Kompetenz*) мы находим у В.Вильса, рассматривающего это понятие как центральную категорию прикладной теории перевода. Согласно разработанной им программе в предметную область прикладной теории перевода входят следующие задачи: 1) лингвистическое описание и классификация переводческих трудностей, возникающих при "переносе" (*transfer*) исходного текста в язык перевода; 2) разработка лингвистически и психологически обоснованных форм обучения переводу; 3) разработка эффективного, охватывающего все релевантные языковые явления, анализа ошибок (как предпосылки для критики перевода); 4) разработка описательных, интерпретационных и оценочных процедур с целью теоретического и методического обоснования критики перевода. Первая и вторая задача образуют перспективный, а третья и четвертая — ретроспективный аспект прикладной теории перевода. Все четыре направления могут быть объединены вокруг единой концепции, в основе которой должно лежать систематически перспективно и ретроспективно разработанное понятие переводческой компетенции [Wills, 1977, 192—194].

Оптимальным направлением перевода является направление "иностранный язык — основной язык". Это объясняется тем, что при билингвизме (а компетенция переводчика является компетенцией билингва) компетенция в сфере основного языка интернализуется в более высокой степени, чем компетенция в сфере второго языка. Исходя из доминирующей роли компетенции в сфере основного языка, можно сделать вывод о том, что при направлении "иностранный язык — основной язык"

существует большая вероятность точного анализа и адекватного преодоления переводческих трудностей (что, разумеется, не исключает полностью возможности успешного перевода в обратном направлении). При этом при переводе в направлении "иностранный язык — основной язык" трудности рецептивного характера, связанные с анализом исходного текста, проявляются в большей мере, чем трудности репродуктивного характера, связанные со структурированием конечного текста на языке перевода [там же, 198].

Согласно В.Вильсу, переводческая компетенция не является единой деятельностной характеристикой. Ее дифференциация существует в двух измерениях: 1) по жанру (научно-технический текст, художественный текст и др.) и 2) по направлению (с родного языка на иностранный и с иностранного языка на родной). Каждая из этих частичных компетенции (Teilkompetenzen) охватывает, в свою очередь, две субкомпетенции (рецептивную в сфере исходного языка и репродуктивную в сфере языка перевода). Обе субкомпетенции взаимно дополняют друг друга и образуют основу компетенции, необходимой переводчику для передачи сложных в содержательном и стилистическом отношении текстов с необходимой степенью коммуникативной эквивалентности. Именно этот текстуальный характер переводческой компетенции объясняет, по мнению В.Вильса, тот факт, что лица, свободно владеющие двумя языками, отнюдь не обязательно становятся хорошими переводчиками [там же, 227].

В этой связи следует вспомнить выдвинутую в свое время, но не получившую экспериментального подтверждения гипотезу о том, что лица, владеющие координативной двуязычной системой (т.е. абсолютные билингвы), менее способны к переводу, чем лица, владеющие субординативной двуязычной системой (т.е. относительные билингвы) [Butzkamm, 1973, 129].

Думается, что характер билингвизма не влияет непосредственно на переводческую компетенцию, поскольку для последней решающее значение имеет не абсолютный или относительный характер двуязычия, а характер владения языками. И при координативном, и при субординативном двуязычии языки могут сосуществовать как автономно, независимо друг от друга, так и будучи соотнесенными друг с другом. Именно эта соотнесенность, и в первую очередь соотнесенность на уровне узуса и нормы (см. предыдущий раздел, посвященный отношению теории перевода к контрастивному языкознанию), и образует языковую базу переводческой компетенции.

По мнению В.Вильса, роль самого переводчика в процессе формирования перевода во многом остается неясной.

Мы можем пока лишь сказать, что перевод является результатом лексической, синтаксической и текстуально-прагматической замены исходной комбинации знаков соответствующей комбинацией знаков на языке перевода и что при этом вступают в силу управляющие коммуникативные факторы частично объективного, а частично субъективного характера (роль последних возрастает в тех случаях, когда перевод требует нестандартных, творческих решений).

Как переводчик осмысливает переводимый текст, как он строит и пере-

страивает стратегию перевода, какую он, смотря по обстоятельствам, избирает функциональную перспективу высказывания, как он на основе оригинала создает новый текст — все это составляет его переводческую компетенцию, как языковую, так и внеязыковую, как рецептивную, так и репродуктивную. Все эти виды компетенции органически связаны друг с другом и в своей сумме образуют компетенцию переноса (*die Transferkompetenz*), лежащую в основе процесса перевода и обеспечивающую адекватную передачу коммуникативного намерения и достаточную степень коммуникативной эффективности [Wilss, 1977, 284].

Рассматриваемое нами понятие переводческой компетенции принципиально отличается от понятия компетенции, разработанного в парадигме порождающей грамматики Хомского. Думается, что к сфере интересов теории перевода значительно ближе понятие коммуникативной компетенции, разработанное Д.Хаймсом и означающее способность говорящего выбирать из доступной ему совокупности грамматически правильных форм те, которые должным образом отражают нормы поведения в реальных актах взаимодействия [Hymes, 1972, 277]. Это понятие включает четыре параметра: грамматическую правильность, реализуемость, приемлемость и встречаемость. "Необходимо, — пишет Хаймс, — объяснить тот факт, что нормальный ребенок приобретает знание предложений не только с учетом их грамматической правильности, но и с учетом их приемлемости. Короче говоря, ребенок овладевает репертуаром речевых актов, становится способным принимать участие в речевых действиях и оценивать речевые действия других. Более того, компетенция неразрывно связана с установками, ценностями и мотивацией языка и его использования" [там же, 277—278].

Некоторые из указанных выше параметров коммуникативной компетенции относятся к речевой деятельности вообще. Отметим те из них, которые имеют особое отношение к переводу. Так, приемлемость (соответствие высказывания контексту или ситуации) означает применительно к переводу необходимость учета как отражаемой в тексте внеязыковой ситуации, так и контекста, в котором допускается использование той или иной формы в исходном языке и в языке перевода. Более того, в это понятие входит обязательный учет двух коммуникативных ситуаций — ситуации порождения исходного текста с ее участниками, ролевыми отношениями и коммуникативными установками и ситуации перевода с аналогичными параметрами.

Понятие встречаемости также приобретает особый смысл применительно к переводу. Нередко единицы-аналоги существуют в обоих языках, но существенно отличаются друг от друга своей частотностью (встречаемостью). Ю.Найда предложил для проверки качества перевода применять грубые подсчеты частотности использования определенных грамматических и лексических единиц в исходном языке и в языке перевода. Например, если известно, что в исходном языке пассивная конструкция используется в 5% возможных случаев, а активная в 95%, тогда как в тексте перевода пассив употребляется в 20% возможных случаев, то из этого следует, что "язык перевода лишен естественности в отношении данного признака" [Nida, Taber, 1969, 170]. Так, при переводе с русского языка на английский аналогом русской деепричастной

конструкции является английская конструкция с причастием I. Однако встречаемость последней в английских текстах значительно ниже, чем встречаемость деепричастных конструкций в русских текстах. Отсюда возникает необходимость в таких трансформациях, как, например: Финишировав через 38,20 и 38,50 сек. в беге на 500 м, они заняли соответственно первое и второе места — They clocked 38.20 and 38.50 sec., as they were placed first and second in the 500-m. race.

Переводческая компетенция представляет собой сложную и многомерную категорию, включающую все те квалификационные характеристики, которые позволяют переводчику осуществлять акт межъязыковой и межкультурной коммуникации: особое "переводческое" владение двумя языками (как минимум рецептивное владение исходным языком и репродуктивное языком перевода), при котором языки проецируются друг на друга; способность к "переводческой" интерпретации исходного текста (т.е. к видению его глазами носителя другого языка и другой культуры); владение технологией перевода (т.е. совокупностью процедур, обеспечивающих адекватное воспроизведение оригинала, включая модификации, необходимые для успешного преодоления "культурного барьера"); знание норм языка перевода; знание переводческих норм, определяющих выбор стратегии перевода; знание норм данного стиля и жанра текста; определенный минимум "фоновых знаний", необходимых для адекватной интерпретации исходного текста, и в частности то, что называется "знанием предмета", необходимым для успешного перевода в рамках специализации переводчика. Понятие переводческой компетенции может быть конкретизировано применительно к тем или иным разновидностям перевода и включать, например, творческие способности, необходимые для художественного, и в частности поэтического, перевода.

Проблема переводческой компетенции еще ждет своей экспериментальной разработки с позиций психолингвистики. Список переводческих тем, к изучению которых могли бы быть привлечены концептуальный аппарат и исследовательские приемы психолингвистики, мог бы быть продолжен. Важно, чтобы перевод присутствовал в этих исследованиях не в качестве иллюстрации к общим положениям психолингвистической теории (как это порой имеет место), а был бы подлинным объектом анализа, раскрывающего его психолингвистический механизм, его психологическую мотивацию и детерминированность психологическими факторами.

В целом первые шаги, сделанные в направлении установления более тесных связей между теорией перевода и психолингвистикой, открывают интересные перспективы для обеих дисциплин.

ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА И ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

Одним из заметных достижений современного языкознания является бурное развитие в течение последних десятилетий его новой отрасли — лингвистики текста. Эта новая лингвистическая дисциплина, объектом которой является связный текст — законченная последовательность высказываний, объединенных друг с другом смысловыми связями, по-